

РЕЦЕНЗИИ

Виктор Шнирельман

Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма / Под ред. Ильи Герасимова, Марины Могильнер, Александра Семенова. – М.: Новое издательство, 2010. 428 с. ISBN 978-5-9837-9139-8.

Виктор Шнирельман. Адрес для переписки: Институт этнологии и антропологии РАН, пр. Ленинский, 32А, Москва, 119991, Россия. shnirv@mail.ru.

Редакторы известного международного журнала *Ab Imperio* снова порадовали нас очередной подборкой статей (ранее они были опубликованы в самом журнале, а теперь отдельной книгой), посвященных новым подходам к пониманию национализма и империи – то есть темам, которые являются визитной карточкой журнала.

Сборник состоит из двух частей, связанных определенной логикой. В первой речь идет об осмыслении нации в социальных науках, а во второй – об исследовании империи в свете критической теории национализма.

Для составителей сборника анализ националистического дискурса важен не сам по себе, а как первая ступень в процессе нового понимания понятия «империя». Ведь современные исследования разрушают прежние представления о четкой границе между «империей» и «национальным государством». Если раньше их жестко связывали с разными историческими эпохами, а затем, допуская их известную синхронность, трактовали «империю» как архаическое образование, то сегодня они, похоже, выглядят уже как равноправные модели государственной организации. Мало того, в статье Джейн Бурбанк и Фредерика Купера (Jane Burbank and Frederick Cooper) высказывается мнение о возможной недолговечности государства-нации и о том, что это – отнюдь не прогрессивная политическая модель. Доминик Ливен (Dominic Lieven) утверждает, что время империи (в виде «либеральной империи») еще впереди, и в этой парадигме образ империи получает более сбалансированное отображение и даже наделяется некоторыми добродетелями. Действительно, история прошедшего века показывает, что распад империй и формирование национальных государств не только не ведут к ожидаемой стабильности, но порождают новые конфликты, нередко заканчивающиеся большой кровью, пролитой во имя «гомогенизации». Поэтому, как доказывают составители, в центре анализа должны лежать, с одной стороны, «воспроизводство и инструментализация многообразия», а с другой – «гомогенизация и инструментализация культурной и политической однородности» (с. 12). Ведь «имперскую

ситуацию” можно обнаружить как в империях, так и в национальных государствах» (с. 409). Этот вопрос детально разбирается в статье Бурбанк и Купера, где пересматривается как смысл самого понятия «империя», так и роль и место империи в истории. В таком случае термин «имперская нация» уже не кажется оксюмороном, а заслуживает самостоятельного анализа.

По сути речь идет не столько о национализме и империи, сколько о языке их описания. Ведь исследователь империй прошлого поневоле должен осваивать «чужой язык», что ставит перед ним неожиданные проблемы «понимания» и «перевода» текстов. Составителям сборника импонирует призыв Брубейкера не судить о национализме и империи в терминах, предлагаемых самими националистами, «национальной политикой» или активными деятелями империи. Иными словами, речь идет о сознательном отказе от языка самоописания и о выработке нового языка, дающего ученому возможность дистанцироваться от «языка политики и повседневной жизни» и, тем самым, порвать с «мифами и заблуждениями».

При всем понимании и симпатии к этому подходу нельзя не задаться вопросом о том, насколько специалист реально способен дистанцироваться от контекста и выработать не связанный с этим контекстом язык. Не наблюдаем ли мы здесь, как выстраивается новый миф о якобы «чистой неангажированной науке»? Сложность заключается в том, что, будучи специалистом, ученый в то же время является членом общества, живущим в контексте сложных социальных связей и густой информационной сети, которая воспроизводит расхожие мифы и представления в общепринятых терминах. В этом смысле западные специалисты в области постколониальной проблематики или специалисты по Восточной Европе находятся в привилегированном положении по сравнению с местными учеными, которые обязаны считаться с окружающим контекстом и использовать общепринятый язык описания привычных для них реалий, иначе они рискуют оказаться непонятыми: в лучшем случае их ждет духовная изоляция, в худшем – жесткие нападки и упреки со стороны и действующих политиков, и идеологов, и коллег. Впрочем, и зарубежные специалисты для нормального выстраивания отношений с местным населением, коллегами и чиновниками иной раз вынуждены воспроизводить их взгляды или, по меньшей мере, считаться с ними, в результате чего конечный продукт такого исследования в той или иной степени включает элементы «национального мифа». Еще чаще это происходит, когда специалист стремится выступать в поддержку «этнических» или «расовых» меньшинств. Отсюда подмеченная Брубейкером и Купером «неудобоваримая смесь конструктивистской терминологии и эссенциалистской аргументации» (с. 138). Об этой опасности и о том, как можно ее избежать, рассуждает (хотя и с иных позиций, чем Брубейкер) Андреас Каппелер.

Отмечу, что сторонникам конструктивистского подхода уже не раз приходилось, к их собственному изумлению, переживать неприятные моменты, оказываясь под огнем критики (неважно – справедливой или нет) со стороны тех, кого они пытались изучать. Это говорит нам о том, что результаты научных исследований жгучих вопросов современности вовсе не находятся в монопольном ведении «научных мандаринов» – они моментально становятся общественным достоянием и живо обсуждаются, исходя то из «интересов», то из «политики идентичности».

Это тут же выводит научное исследование из сферы «чистой науки» и делает его элементом политики.

Не проще обстоит дело и с этническими конфликтами. Объявление их «неразрешимыми», а поиск решений - «проблематичным» (с. 73–74) вряд ли остановит политиков и людей доброй воли от попыток либо их решить, либо, по меньшей мере, смягчить.

В любом случае «национализм» и «империя» рассматриваются составителями сборника как поля, требующие нового аналитического языка, отличного от языка самоописания. И в этом они призывают следовать Брубейкеру. Однако последний вовсе не отказывался от таких понятий, как «нация», «национальная мобилизация», «национальные конфликты», «националистическая политика», а лишь говорил об адекватном понимании роли и места «национального фактора». Ведь только радикальным националистам этот фактор представляется ключевым в поведении людей. В реальности картина оказывается гораздо более сложной, вариативной и ситуативной. Поэтому «проблема состоит не в самом *факте* использования понятий, а в том, *как* им пользуются» (с. 138). Ашкрофт добавляет – «как широко и кем он используется» (с. 229).

Сами составители сборника вовсе не отвергают языки самоописания. Речь идет о другом: об «изучении языков самоописания, восстановлении их генеалогии и рассмотрении их функционально в рамках современного им контекста с целью перевода их на язык современных аналитических моделей, чтобы сделать имперский опыт адекватно понятным» (с. 408). И с этим нельзя не согласиться.

Касаясь, на первый взгляд, отвлеченных теоретических рассуждений, данное издание, конечно же, обращено к России, где в течение последних десяти лет то разгорался, то снова затухал спор о том, чем на самом деле Россия является или, иначе, чем хочет стать – нацией или империей; что в таком случае надо понимать под нацией и что – под империей; возможна ли «либеральная империя»; следует ли поощрять «многонациональность» (точнее – полиэтничность), или же вектор развития должен быть связан с гомогенизацией; и, наконец, как политическое (единое гражданство и общие правовые нормы) должно сочетаться с культурным – должно ли политическое единство непременно повлечь культурную гомогенизацию или же оно допускает ту или иную степень культурного разнообразия. В контексте этой дискуссии всплывает и политико-правовой (если не этический) вопрос: является империя «законной» (Бурбанк и Купер) или «незаконной» (Бейссингер) формой правления.

Однако, специалисты по империи, на удивление, до сих пор не сделали объектом своего изучения «цивилизацию» (это понятие упоминают Бурбанк и Купер, но оставляют его без обстоятельного анализа (с. 339–340)). Между тем сегодня к обсуждаемым здесь двум ключевым понятиям дискурса – «нации» и «империи» - прибавился третий, обозначаемый как «цивилизация». Речь идет о росте популярности термина «российская цивилизация», который уже начал использоваться высшими чиновниками, что демонстрирует определенную траекторию развития конструктивистской активности российских интеллектуалов и чиновников и «политики идентичности» в России.

Говоря о «языке описания», не следовало бы забывать известное марксистское положение о том, что идея становится материальной силой, когда овладевает массами. Ведь и нация, подобно любой социальной группе, материализуется, когда становится субъектом или объектом политики. Кроме того, как национализм, так и империя производят мощную символическую систему, оказывающую свое воздействие на людей в самых разных контекстах – от государственной символики и ритуалов до литературно-художественной сферы. Такая символика также способна придать материальность сконструированным социальным категориям. Об этом убедительно пишет Жерар Нуарьель (G rard Noiriel), анализируя пример «беженцев». Однако Брубейкер безусловно прав, предупреждая о возможной абсолютизации социальных категорий.

Признавая активную роль языка, не стоит абсолютизировать и его. Сосредоточившись на проблемах, связанных с «языком», авторы сборника, к моему удивлению, абстрагируются от экономических и культурных проблем, бросающих вызов современному государству (будь оно национальное или имперское). Обнаруживается и опасность инфляции понятия «империя», если его ограничить показателем «разнообразия», абстрагируясь от особенностей режима личной власти, социальной иерархии, неравенства групповых политических статусов, сочетания разных систем управления на основе разных критериев, экспансионистской политики.

Как показывает Марк Бейссингер (Mark R. Beissinger), понятие «империя» сегодня имеет иной смысл, чем это было когда-то. Однако очевидно, что то же самое относится и к понятию «национальное государство», тем более что одни авторы ограничивают «национальное» политическим гражданским статусом, другие добавляют к нему «историко-культурное» измерение, а третьи и вовсе отождествляют «нацию» с «этносом». Таким образом, обнаруживается, что термины «национализм» и «империя» настолько нагружены конкретным политическим смыслом и столь интенсивно порождают политический активизм, что абстрагироваться от этого не представляется никакой возможности. Мало того, как справедливо отмечает тот же Бейссингер, применение того или иного понятия диктуется не только политической реальностью, но и грузом «исторической памяти». И это – еще одна важная проблема, стоящая в центре внимания современной науки.

В любом случае рассматриваемый сборник богат идеями, в нем представлены разнообразные подходы, он дает много пищи для размышления. Чего в нем нет – так это стремления к тому, чтобы свести все к одной доминирующей теории («критической» или «некритической» – неважно). Исследования плодотворно продолжаются, и включение нового материала (о новых регионах, сферах жизни или исторических периодах) позволяет надеяться на появление новых подходов и неожиданных поворотов в изучении уже известной тематики. Представленный сборник служит хорошим основанием для таких надежд.